

Записные книги «всяких дел» в приказном управлении

Ольга Новохатко

Notebooks of «all sorts of cases» in the orderly management

Olga Novokhatko

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870000134-8

В исследованиях о приказной системе России неоднократно писали о том, что делопроизводство московских приказов отражало принятый в них стиль управления и способы ведения административных дел. Среди множества видов делопроизводственной приказной документации, сложившихся к XVII в., особое место занимают записные книги «всяких дел» («о всяких делех»). Судя по их характеру и эволюции, они вели происхождение от своего рода ежедневников приказного руководства и сохранили эту форму вплоть до середины XVII столетия. С развитием приказной системы записные книги «всяких дел» в большинстве приказов трансформировались из личного, «технического» делопроизводства приказного служащего в делопроизводство официальное, формальное, хотя форма личных «рабочих тетрадей» также сохранилась. Происхождение записных книг «всяких дел», по всей видимости, наложило отпечаток и на их общий характер. Если назначение других книг (боярских, разрядных, окладных, приходных и т.п.), которые велись в приказах, в том числе и записных (указам, памятям, отпискам воевод, челобитным, судным делам и т.д.), вполне прозрачно и понятно, то с записными книгами «всяких дел» не всё так очевидно.

Название – записные книги «всяких дел» – не случайно. Значительную, если не преобладающую часть содержания источника представляют собой копии или изложения (сжатые или развёрнутые) различных делопроизводственных документов. В них фиксировались наиболее важные материалы, определяющие деятельность приказа: указы, поступившие от государя или Боярской думы; памяти, отправленные из одного приказа в другие; грамоты воеводам городов, находящихся в ведении данного приказа, отписки от них и другие официальные документы. Так, в записные книги «всяких дел» Устюжской четверти за 1663/64 и 1664/65 гг. внесены царские указы, грамоты городовым воеводам и выборным земским судейкам, таможенным и кабацким головам, отписки воевод, памяти в приказы, челобитные и приставные памяти¹. В другие годы в Устюжской четверти царские указы и исходящие памяти, очевидно, заносились в отдельные книги, потому что в записные книги «всяких дел» включены только грамоты городовым воеводам, отписки таможенных и кабацких голов, челобитные,

© 2018 г. О.В. Новохатко

Работа выполнена в рамках проекта «Документы московских приказов XVI–XVII вв.: публикация и исследование» с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

¹ РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Устюг Великий), кн. 153.

поручные записи и приставные памяти, в некоторые также — памяти в приказы². В Новгородском приказе в записных книгах «всяких дел» фиксировались царские указы, указные памяти, челобитные (например, в книге 1698—1703 гг.)³. В Поместном приказе в записную книгу «всяких дел» записывались, соответственно, царские указы и боярские приговоры о поместьях и вотчинах⁴.

Чем более широкую компетенцию имел приказ, тем более разнообразными и многочисленными были дела, которые фиксировались в записных книгах «всяких дел». Так, в книгах Посольского приказа за 1638—1641, 1645—1647, 1656—1657, 1668, 1669—1672, 1672—1675 гг. были записаны не только царские указы, исходящие памяти, отписки ведавшихся в приказе астраханских и терских воевод, но и челобитные переводчиков, толмачей, подьячих и торговых иноземцев по судным делам, записи о приезде в столицу иноземных послов, гонцов, купцов и духовенства, об отбытии в Англию английских купцов, об отпуске из России мастеров-иностранцев, о покупке в казну товаров у иностранных купцов, о назначении послов в иностранные государства⁵.

Самой широкой компетенцией обладал, безусловно, Разрядный приказ. Прежде всего через него как думскую канцелярию происходило обнародование распоряжений верховной власти, адресованных как отдельным приказам или их группам, так и всем приказам или всему народу. Например, в 1627 г. из Разрядного приказа в Ямской направили распоряжение о выдаче казённых подвод для представителей разных чинов: «Того ж году 135 марта в 8 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии и отец ево государев великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московской и всеа Русии указали давати подводы влаstem, бояром, и окольничим, и думным, и всяких чинов людем по своему государскому уложению». Далее следовала роспись чинов (от высших церковных иерархов и думных людей до служилых людей низших разрядов, вплоть до выборных, вроде таможенных и кабацких голов) и числа подвод, которые полагалось давать для исполнения обязанностей представителям каждого чина. Под текстами указа и росписи в записной книге отмечено, куда было отправлено из Разряда царское распоряжение: «Такова роспись по государеву указу за приписью думново диака Федора Лихачева послана в Ямской приказ ко князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому да к дьяком к Ондрею Подлесову да к Петру [Копнину]»⁶.

Через Разрядный приказ транслировались указы царя и Думы, обращённые сразу к нескольким приказам, как, например, регулярные, связанные с ежегодной отправкой войск на южные границы, указы об отсрочке в судных делах. Обычно указ бывал адресован руководству одного приказа, и его использовали как образец для написания таких же распоряжений в другие приказы. В записной книге «всяких дел» 1636/37 г. зафиксирован один из таких указов: «Лета 7145 февраля в 18 день по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии указу память боярину князю Ивану Ондреевию Голицыну да дьяком Тимофею Агееву да Ортемью Хватову. Великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии указал дворяном и детем боярским

² Там же, кн. 173, л. 1—227; кн. 207, л. 1—398; кн. 241, л. 1—157.

³ Там же (Новгород), кн. 153, л. 1—90.

⁴ Там же, ф. 1209, оп. 4, ч. I, л. 3159.

⁵ Там же, ф. 138, оп. 2, кн. 1, л. 1—511; кн. 9, л. 1—243; кн. 13а, л. 1—163; кн. 14, л. 1—85; кн. 16, л. 1—269; кн. 17, л. 1—93 и др.

⁶ Там же, ф. 210, оп. 6а, кн. 1, л. 277—281.

замосковных, и украинских, и понизовых городов, и иноземцом, и князем, и мурзам, и новокрещоном, и татаром для нынешние летние службы в судных во всяких делах отсрочить до Рождества Христова 146 году... А то дворяном, и детем боярским, и иноземцом, и князем, и мурзам, и новокрещоном, и татаром велено сказати именно, кто к тому к указному сроку к Москве не приедет, и в приказе не объявитца, и челобитья своего не запишет, и тех людей в исцовых исках указал государь тем винити. И они бы все тот государев указ ведали и к указному сроку для вершенья своих дел к Москве ехали безо всякого переводу»⁷. Этот указ был предназначен для Судного Владимирского приказа; такие же распоряжения отправили в приказы Судный Московский, Разбойный, Холопий, Казанский, Иноземский, Стрелецкий, Челобитный, Пушкарский, Поместный, Ямской, Коношненый, Большого дворца, Большого прихода, Земский и на Патриарший двор⁸.

Наконец, через Разряд обнародовались указы общегосударственного значения, адресованные всему населению, как, например, об отсрочке казни для беременных⁹, о запрещении подавать иски по делам, решённым именным указом, о приведении к вере в трехдневный срок¹⁰ и т.п.

В процессе своей деятельности приказы обменивались деловыми документами, памятями, в которых излагались или распоряжения от одного приказа другому (чаще всего из Разряда в другие приказы), или запросы о предоставлении информации из приказных архивов. Разрядный приказ в некоторых случаях также получал указы государя, переданные через другое ведомство. Так, в записную книгу 1640/41 г. внесён указ, полученный из приказа Большого дворца: «149 декабря в 12 день прислана в Розряд из Дворца память такова: Лета 7149 декабря в 7 день по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии указу память диаком думному Ивану Гавреневу да Григорью Ларионову. Государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии указал во все приказы послати памяти, чтоб поповых и дьяконовых детей, и Гостиные, и Суконные сотен торговых, и черных сотен посадцких всяких и пашенных людей, и их детей в подьячие не принимали»¹¹.

Столь же обязательной составляющей записных книг «всяких дел» всех приказов были переписанные слово в слово или изложенные с разной степенью полноты отписки воевод тех городов, которыми ведал данный приказ. В записную книгу Разрядного приказа 1626/27 г. внесены сведения об отписке путивльских воевод: «Июля в 3 день писали государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии из Путивля стольник и воеводы Богдан Нагово да Петр Бунаков, что июня в 25 день приехал в Путивль из Литовские земли путивлец торговой человек Ондрюшка Тубалец, а в роспросе им сказал, что был он в Лубнах с торгом и при нем-де, Ондрюшке, собрались из Лубен... и из Логвицы, из Прилук литовские люди, запорожские казаки, которые отставлены от казачества, полковник Пырской да Ятцка Засульской, а с ними ясаулы и многие литовские люди, человек с тысячу и больши, и пошли на государеву землю в Путивльской уезд на реку на Псел на Новое городище для селитьбы». Далее воеводы

⁷ Там же, кн. 3, л. 161 об.–162 об.

⁸ Там же, л. 163.

⁹ Там же, л. 218.

¹⁰ Там же, л. 167 об., 288–288 об.

¹¹ Там же, кн. 5, л. 85–85 об.

сообщали, что они отправили на Псёл ратных людей, чтобы «тех литовских людей с государевы земли сослать без бою и без задору»¹².

Как известно, для фиксирования входящих и исходящих документов в приказах существовали специальные для каждого вида документа книги — записные указам, памятям, отпискам воевод, челобитным и т.д. Какой же смысл был записывать те же самые документы ещё и в записные книги «всяких дел»? Следует отметить, что в записные книги «всяких дел» заносились далеко не все входящие и исходящие документы. В наименьшей степени это замечание относится, разумеется, к указам царя и Боярской думы, их распоряжения по ведомству фиксировались в записных книгах «всяких дел» практически в полной мере. Что касается памятей, грамот воеводам и их отписок, а также других видов входящих и исходящих документов, то при сравнении записных книг «всяких дел» с соответствующими специальными записными книгами выясняется, что из документов отбирались наиболее существенные, определяющие для данной сферы государственной деятельности. Например, из воеводских отписок прежде всего переписывались наиболее значимые, в которых сообщалось о важных для государства событиях, фактах. В записной книге «всяких дел» 1659/60 г., например, под 10 декабря 1659 г. зафиксировано, что по отписке воевод кн. И.И. Лобанова-Ростовского «с товарищи» «декабря ж против 4 числа в ночи... их полку ратные люди город Старой Быхов приступом взяли и изменника Ивашка Нечая, и брата ево, и Самошку Выговсково, и жон их, и шляхту, и казаков, и мешан многих живых поймали»¹³. В записи от 29 декабря того же года изложена отписка воеводы кн. Б.А. Репнина из Смоленска, в которой он сообщает о русских переселенцах в Смоленск, «а которых городов и хто имяны дворяне и дети боярские в Смоленску на житье устроены, и тому под отпискою прислал имяна», после чего в записной книге приведена роспись переселенцев¹⁴. Отписки такого рода присутствуют в записных разрядных книгах «всяких дел» с первых известных нам документов этого вида.

С 1660-х гг. в записные книги «всяких дел» Разряда стали включать отписки, в ответ на которые объявлялся царский указ, отправлялась государева грамота, поступало распоряжение из Разряда. Например, после краткого пересказа отписки епифанского воеводы Федосея Астафьева в книге помечено: «И июля ж в... день по помете на той отписке ево послана к нему, Федосею, государева грамота»; следом сжато изложено содержание грамоты¹⁵. В записной книге 1696/97 г. после дословно переписанной отписки воеводы А.С. Шеина о движении войск к Азову написано: «На подлинной отписке помета думного дьяка Гаврила Деревнина такова. Великий государь указал к боярину и воеводе к Олексею Семеновичю Шеину послать свою, великих государей, грамоту с милостивым словом и похвалою. И по тому его, великого государя, указу в Большой полк к боярину и воеводе к Олексею Семеновичю Шеину его, великого государя, грамота послана такова», после чего дословно приводится царский указ¹⁶.

Учитывая прецедентный характер русского законодательства XVII в., каждый царский указ по отдельным случаям, доводимым до сведения верховной власти отписками государственных чиновников или частных лиц, приобретал значение

¹² Там же, кн. 1, л. 19–19 об.

¹³ Там же, кн. 10, л. 129.

¹⁴ Там же, л. 145–146.

¹⁵ Там же, кн. 11, л. 238.

¹⁶ Там же, кн. 27, л. 262–263 об.

общего, если только не имел оговорки «а иным то не в образец» (как, например, в указе о пожаловании новгородских помещиков и вотчинников придами к поместным и денежным окладам за поддержку властей во время «смуты» 1682 г.)¹⁷.

То же можно сказать и в отношении челобитных, поступавших в приказ. В записные книги «всяких дел» Разряда челобитные записывали выборочно¹⁸, что говорит об имевшихся на этот счёт у руководства приказа специальных мотивах. В них переписывали не только текст челобитной, но и пометы дьяков о решении по ним, а иногда и записи об исполнении этого решения. В некоторых случаях такие записи составляли своего рода «блок» переписанных документов, куда входили челобитная, докладная выписка по ней, пометы о царском постановлении и о его исполнении¹⁹. Из этого можно заключить, что для внесения в книгу значение имела не только челобитная, но и принятое по ней определение, а значит челобитные с приговорами по ним включались в записные книги как прецеденты решения тех или иных дел, в частности не предвиденных Уложением.

Записные книги «всяких дел» становились, таким образом, ежегодными (в случае Разряда) или, как в некоторых приказах, составленными за определённый период сборниками подзаконных актов, издаваемых правительством по тому или иному ведомству, т.е. сфере государственных дел. Однако регистрацией входящей и исходящей документации содержание записных книг «всяких дел» далеко не исчерпывается. Этот вид приказных делопроизводственных документов содержал записи не только вторичного, но и первичного характера — о «всяких делах» приказа, которые нигде, кроме них, не фиксировались.

Наиболее яркие примеры таких записей представляют, естественно, книги Разрядного приказа. Одним из наиболее часто встречающихся видов записей в его записных книгах «всяких дел» была регистрация пожалования в чины, церемония которой происходила (за редкими исключениями) в помещении Разряда²⁰. Поскольку пожалование, как правило, объявлялось устно, а записи о деталях церемонии (датах, именах лиц, объявлявших чин жалующему, и т.п.) нигде кроме записных разрядных книг «всяких дел» не встречаются, есть основание предположить, что перед церемонией или в ходе неё эти сведения помечались на отдельных листах, которые после перенесения данных в записные книги не хранили в архиве приказа. Следовательно, записные книги «всяких дел» Разряда становились единственным делопроизводственным документом, содержащим полную информацию о церемонии пожалования в думные и московские чины.

Разрядный приказ контролировал деятельность служилого человека во всех аспектах его службы и, соответственно, фиксировал их. В число перемен в служебном положении входили не только пожалования в чины, верстание поместным и денежным окладом или отставка от службы, но и отпуска, и дисциплинарные взыскания. И если для записи наиболее существенных этапов служебной карьеры имелись специальные записные книги, то фиксация отпусков²¹ и дис-

¹⁷ Там же, кн. 21, л. 210 об.—211.

¹⁸ Там же, кн. 8, л. 173—173 об.; кн. 9, л. 67; кн. 12, л. 186; кн. 22, л. 252—252 об., 291, 195—295 об.

¹⁹ Там же, кн. 25, л. 149—162.

²⁰ Там же, кн. 3, л. 129 об., 256; кн. 4, л. 71 об., 257; кн. 5, л. 188 об., 196; кн. 7, л. 74, 78 об.; кн. 11, л. 36 об., 230; кн. 12, л. 83 об. и др.

²¹ Там же, кн. 1, л. 2 об., 36 об., 77, 120, 156, 166; кн. 6, л. 105; кн. 7, л. 165; кн. 8, л. 111; кн. 9, л. 66 об.; кн. 25, л. 11.

циплинарных взысканий²² служилых людей осуществлялась только в записных книгах «всяких дел».

Кроме объявления указов, отправки и получения корреспонденции, в военное время на Разряде лежали и другие обязанности – из его казны или через него из других приказов в полки выдавались знамёна, колокола и другая атрибутика; полковые канцелярии – разрядные шатры – снабжались бумагой, чернилами, перьями, походные церкви – церковной утварью. Выдача и приём военной атрибутики и отправка в полки канцелярских принадлежностей и предметов культа фиксировались и в столбцах, и в записных книгах «всяких дел», но первые служили, скорее, для черновых записей, а вторые стали своего рода книгой учёта наиболее важных предметов из разрядной казны. На это указывает характерная именно для этого вида делопроизводства особенность – собственноручные расписки в получении соответствующих предметов из приказа. В записной книге 1646/47 г. отмечено: «Декабря в 25 день посланы в Переславль Резанской к стольнику и воеводе к Василью Бутурлину з жильцом с Петром Головниным десять знамен тафтяных, опушки дорогильные, с жильцом с Петром Головниным. Петр знамена взял и руку приложил»²³. В книге 1659/60 г. записано: «Июля в 19 день прислано в Розряд ис Казенного приказу по розрядной памяти тритцать знамен сотенных дорогильных новых. Ис того числа 28 знамен отданы из Розряду по приказу окольного Ивана Офонасьевича Гавренева в полк к боярину и воеводам к Юрию Алексеевичу Долгорукому с товарищи в прибавку к прежним знаменам, что в тот полк дано из Розряду ж. Те знамена взял дьяк Иван Амирев»²⁴.

В записных книгах «всяких дел» других приказов есть записи такого же характера, фиксирующие не приказную корреспонденцию, а непосредственную деятельность учреждения. Например, в записных книгах «всяких дел» Посольского приказа 1638–1641, 1645–1647, 1656–1657, 1669–1672, 1672–1675, 1677–1681, 1688–1692 гг. отмечалась работа с приказным персоналом – определение претендентов на должности переводчиков, толмачей, золотописцев, выплата им денежного жалованья; выдача кормового жалованья подведомственным приказу категориям иностранцев (хивинскому царевичу, шведскому резиденту, послам и гонцам из других государств, иноземным мастерам, донским атаманам и казакам); отправка «поминков» крымскому хану и его приближённым; приём по приезду в Москву и отпуск за границу иностранных офицеров, купцов, ремесленников; приобретение в казну товаров у иностранных торговцев (например, «узорочных товаров» у армянских купцов, шелковых тканей у ливонца Т. Келдермана²⁵) и продажа казённых товаров иностранным купцам (например, шёлка-сырца на ярмарке в Архангельске)²⁶.

Поскольку Посольский приказ являлся судебной инстанцией для подведомственных ему категорий людей (как русских подданных, так и иностранцев в России), в тех же записных книгах «всяких дел» фиксировались судебные дела этих лиц. Отмечу, что, как и в Разряде, в записные книги «всяких дел» Посольского

²² Там же, кн. 1, л. 53 об., 56 об., 155 об.–156; кн. 7, л. 170 об.; кн. 8, л. 38, 127, 136, 148, 156 об.; кн. 10, л. 135 об., 278 об.; кн. 12, л. 258 об.

²³ Там же, кн. 6, л. 112.

²⁴ Там же, кн. 10, л. 281 об.

²⁵ *Захаров В.Н.* Купцы из Восточной Прибалтики в Москве в XVIII веке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2012. № 5. С. 89.

²⁶ РГАДА, ф. 138, оп. 2, кн. 1, л. 1–511; кн. 9, л. 1–243; кн. 13-а, л. 1–163; кн. 16, л. 1–269; кн. 17, л. 1–93; кн. 19, л. 1–377; кн. 21, л. 1–834.

приказа судебные дела, которые велись в приказе, заносились выборочно. Для фиксации судопроизводства Посольского приказа существовали и специальные записные книги, как например, записная книга указных памятей и челобитных по судным делам 1692/93 г.²⁷, записная книга челобитных и поручных записей по судным делам европейских купцов, армянских торговцев, подъячих, переводчиков и других подсудных Посольскому приказу лиц 1695–1697 гг.²⁸

Отмеченные особенности записных книг «всяких дел» позволяют определить их как «гибридный», многофункциональный вид канцелярских документов, соединявших в себе функции журналов регистрации входящих и исходящих документов, записей распоряжений приказного руководства по своему ведомству, книг учёта выдачи и приёма казённого имущества и денег, наконец, сборника законов и подзаконных актов, принимавшихся правительством по соответствующему ведомству в течение года или нескольких лет. Записные книги «всяких дел» велись в приказах, судя по дошедшим до нас материалам, в течение всего XVII в. и в начале XVIII столетия, вплоть до коллежской реформы Петра I (сохранились записные книги «всяких дел» приказов Разрядного за 1700, 1701, 1705, 1707, 1708, 1709 гг.²⁹, Новгородского за 1698–1703, 1704 гг.³⁰), т.е. этот вид делопроизводства был актуален и востребован.

Очевидно, что одной из важнейших функций записной книги «всяких дел» являлась контрольно-учётная. Но, что более существенно, это был документ внутреннего, служебного пользования, который обеспечивал единственную возможность для осуществления характерной отличительной особенности в функционировании приказной системы, пользуясь современной терминологией, вытесняющей многозадачности, когда кадровые и материальные ресурсы приказа постоянно перераспределялись, «плавали» между ежедневно возникающими делами разной степени важности, длительности и актуальности в многочисленных сферах его компетенции. Косвенно это подтверждается тем, что до нас дошли записные книги «всяких дел» в основном крупных, государствообразующих, многофункциональных приказов со сложной административной структурой, и что такие книги не велись в городских приказных избах.

Думается, что причина создания и «живучести» этой формы приказной документации заключается в максимальном соответствии её самой приказной системе — многофункциональной, не подчинённой жёстким стандартам, а потому чрезвычайно гибкой, адаптивной. А это даёт нам большее понимание того, как было устроено государственное управление в России XVII в.

²⁷ Там же, ф. 158, оп. 2, д. 8 (1713 г.), л. 1–97.

²⁸ Там же, ф. 138, оп. 2, кн. 22.

²⁹ Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XX. М., 1791. С. 328–330.

³⁰ РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Новгород), д. 153, л. 1–90; кн. 159, л. 1–451.